УДК 821.161.1.0+821.161.3.0

СОЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТОПОСА ДОМА В ПРОЗЕ В. АСТАФЬЕВА И В. КОЗЬКО

Е.В. КРИКЛИВЕЦ
(Витебский государственный университет им. П.М. Машерова)

Исследованы социальные аспекты топоса дома в произведениях В. Астафьева и В. Козько. В прозе писателей дом выступает как дом-семья, мир нации и антидом. Дом-семья является местом формирования и становления личности, усвоения необходимых морально-этических норм. По отношению к дому-семье антидомом становится место случайного объединения людей. Модель дома-семьи обусловливает мотив памяти о доме (внутренний дом). Отсутствие дома-семьи, невозможность его обретения делают героев бездомными. В произведениях Астафьева бездомность – явление социальное, в прозе Козько – экзистенциальное, связанное с отсутствием у героя внутреннего дома. С данной моделью дома связан мотив разорения дома, его утраты. С точки зрения Астафьева, причиной разорения дома становятся социальные катастрофы (коллективизация, война). По мнению Козько, разорению дома способствует отрыв деревенских жителей от родной земли, увлечение технократическими идеями. Следовательно, в прозе Астафьева и Козько дом мыслится как основа самоопределения личности, как символ нравственных устоев народа, его духовного единения.

Введение. В XX веке, в период социальных потрясений, ломающих жизненные устои и привычный миропорядок, в творчестве многих писателей особенно актуальным становится топос *дома* как прибежище от исторических катаклизмов. Необходимой отличительной чертой *дома* является стабильность. В связи с этим можно предположить, что принципиальное значение для понимания идейной концепции произведений В. Астафьева и В. Козько, а также для их сравнительно-типологического анализа имеют социальные аспекты *топоса дома*. В диссертационном исследовании Т.Ю. Петровой выделены следующие уровни социального пространства: «…уровень ближайшего окружения человека, где речь идет о семье, соседстве, дружеских отношениях; региональный уровень, где необходимо рассматривать тип поселения и региональные социоэкономические, этнические и культурные особенности; государственный уровень» [1, с. 14]. Данная градация представляется нам весьма обоснованной. В прозе В. Астафьева и В. Козько ключевыми моделями *дома* в социальном аспекте выступают *дом-семья, мир нации, антидом.*

Цель работы – выявить специфику реализации названных моделей *дома* в произведениях В. Астафьева и В. Козько. В работе использованы метод компаративистики, культурно-исторический и социологический методы.

Основная часть. Значимость *дома-семьи* для человека, для формирования его личности трудно переоценить: *дом-семья* «отличается ярко выраженной антропоцентричностью, характеризует не только структуру мира, но и положение, и самоощущение в нем человека» [2, с. 146]. *Дом* предстает как «средоточие основных жизненных ценностей, счастья, достатка, единства семьи и рода» [3, с. 168]. *Дом-семья* являет собой определенную модель взаимоотношений между людьми. В семье человек чувствует себя нужным и защищенным.

В произведениях В. Астафьева показана роль семьи на протяжении всей жизни человека. Важнейшим этапом, безусловно, является детство, поскольку именно в этот период закладываются основы характера, формируется мировоззрение. В «Последнем поклоне» маленький Витя Потылицын воспитывается в доме бабушки, Катерины Петровны. Жизнь в нем строится по законам народной морали и нравственности, крестьянской общинности. Дом Потылицыных – центр, объединяющий большую семью. Тяга к родному дому неистребима у каждого члена семьи (глава «Бабушкин праздник»): «И в песне она заботится о том, чтобы… будила песня только добрые чувства друг к другу и навсегда оставляла бы неизгладимую память о родном доме, о гнезде, из которого они вылетели, но лучше которого нет, и не будет уже никогда» [4, т. 1, с. 192]. На долю мальчика уже в подростковом возрасте выпадут тяжелые испытания, но духовные основы, привитые в детстве бабушкой и дедушкой, помогут ему не сломаться, не потерять себя в бурном потоке жизни.

Если благополучие семьи бабушки и дедушки Потылицыных не вызывает сомнения, то жизнь детей в семье «касьяшек» («Царь-рыба»), с общепринятой точки зрения, представляется далеко не самой благополучной. Однако характер Акима, выросшего в этой семье, определяют любовь к людям, умение радоваться и удивляться жизни, чего нельзя сказать ни об Эле, ни о Гоге Герцеве, которые воспитывались в «правильных» семьях. По всей вероятности, материальное и даже социальное благополучие для Астафьева не является определяющим. Истинная основа любой семьи – любовь друг к другу, к жизни, ко всему живому. Эта любовь в семье «касьяшек» присутствует: «Чему учить ее не надо было, так это легко, беззаботно и весело любить ребятишек и всех живых людей» [5, с. 259].

Центральные герои романа «Прокляты и убиты» – Лешка Шестаков, Коля Рындин, Ашот Васконян, лейтенант Щусь, – которым в условиях казарменного быта и войны удалось сохранить человеческое достоинство, воспитывались в социально различных семьях (крестьянской, старообрядческой, интеллигентской), но все эти семьи были основаны на любви и уважении друг к другу. Кстати, о семье политрука Мусенка вообще ничего не известно, и это нельзя не расценить как способ выражения авторской позиции.

«Взрослые» герои Астафьева (которых условно можно определить как положительных) отчетливо осознают непреходящую ценность семьи как в жизни отдельного человека, так и в жизни общества в целом: «Династии, общества, империи обращались в прах, если в них начинала рушиться семья, если он и она блудили, не находя друг друга. Династии, общества, империи, не создавшие семьи или порушившие ее устои, начинали хвалиться достигнутым прогрессом, бряцать оружием; в династиях, империях, в обществах вместе с развалом семьи разваливалось согласие, зло начинало одолевать добро, земля разверзалась под ногами, чтобы поглотить сброд, уже безо всяких на то оснований именующий себя людьми» [6, с. 46 – 47].

Критерием оценки духовной состоятельности («взрослости») героя становится его способность нести ответственность за родных людей. Создает свою семью и чувствует ответственность перед воспитавшими его людьми Витя Потылицын, приходит к осмысленному пониманию семьи и своего места в ней Леонид Сошнин («Печальный детектив»), проходят «проверку на зрелость» герои рассказов «Захарка», «Пролетный гусь»: «На полустанке Акбары он мог вспрыгнуть в грузовой состав, поскорее вернуться домой, обсушиться, отогреться и уснуть, но он не мог, права не имел возвращаться домой с пустыми руками. В маленькой однооконной избушке… его ждали жена и сынишка Арканя» [7, с. 8].

Таким образом, семья, по Астафьеву, мыслится залогом и критерием нравственного становления личности. Создание собственной семьи, непременно основанной на любви, и сохранение ее благополучия – важнейшая цель человеческой жизни.

Гармоничные взаимоотношения между людьми – обязательное условие настоящей семьи и в понимании В. Козько. К этой гармонии стремятся герои писателя. Однако ее обретение возможно, с точки зрения Козько, только в том случае, если человек ощущает постоянную связь со своим «родным гнездом», с родительским домом (как вариант – вовсе не покидает его или возвращается в него). Думается, что идеал писателя заключается в *постоянстве дома*, где одно поколение сменяется другим, не покидая «гнезда». Этот идеал видится В. Козько в прежнем, патриархальном укладе народной жизни: «Раней хата была дык хата, каля старых маладыя, пры дзецях – бацькі» [8, с. 59].

В произведениях белорусского писателя декларируется мысль о том, что привязанность к родному дому, к месту жительства своих предков есть самая прочная основа человеческой духовности, именно она дает право человеку называться человеком: «...мы мусім усё часцей выходзіць са сваёй хаты, часам назаўсёды губляць, выракацца яе. Дык як жа нам захавацца пры гэтым, застацца людзьмі не толькі каля роднага плоту, прызбы – не згубіцца, не распасціся на атамы ў сусвеце?» [9, с. 270].

Утрата этой связи приводит к бездуховности, деградации личности, неспособности создать собственную полноценную семью. Теряет любовь Алены и надежду на семью Матвей Ровда («Неруш»), распадается семья «сбежавшего» из родительского дома в город Явмена Ярыги («Цвіце на Палессі груша»), больше, чем от физического недуга, страдает от разрыва с корнями Колька Летечка («Суд у Слабадзе»). Наибольшую четкость и оформленность данная идейная линия приобретает в последнем романе В. Козько «Бунт незапатрабаванага праху». Внешне благополучный герой Германн Говар, имеющий жену, работу, городскую квартиру, но ничего не знающий о семье своих приемных и настоящих родителей, ощущает себя «монстром», теряет нравственные ориентиры и приходит к гармоничному миропониманию только тогда, когда возвращается в отчий дом, к тому образу жизни, который вели его предки.

Следовательно, можно отметить, что функции *дома-семьи* в прозе В. Астафьева и В. Козько при наличии общих черт имеют характерные особенности. Так, *дом-семья* в произведениях и В. Астафьева, и В. Козько является местом формирования и становления личности. Однако герои Астафьева, усвоив необходимые морально-этические нормы в родительском доме, организуют свою жизнь, создают собственную семью вне этого дома. Героям Козько для того, чтобы не потерять / вновь обрести себя необходимо находиться / вернуться в отчий дом, поскольку только так возможно осознать себя, свое место в жизни, продолжить свой род. *Дом-семья*, фундамент которого – патриархальные устои, взаимосвязь поколений – становится в произведениях В. Козько не только отправной, но и финальной точкой жизненных исканий человека.

Для обоих писателей характерно выстраивание оппозиции *дом – антидом*. По мнению Е.В. Асмоловой, «*антидом* является символом пустого и онтологически бесцельного существования» [10, с. 87]. По отношению к *дому-семье антидомом* становится место случайного объединения людей, «формальная» семья, в которой отсутствует эмоциональная взаимосвязь между людьми, ситуация оторванности человека от родительского дома (у В. Козько).

В романе В. Астафьева «Прокляты и убиты» всеми признаками *антидома* наделена казарма. Из родительских семей ребята попадают в атмосферу скученности, озлобленности, морального и физического разложения: «В казарме было не совсем тепло и не совсем холодно, как и бывает в глубоком земляном подвале. Печка лишь оживляла зажатую в подземелье, тусклую жизнь со спертым, неподвижным воздухом глухого помещения, да и то изблизя лишь оживляла. По обе стороны печи жердье нар было закопчено, но на торцах, упрямо белеющих костями, как бы уже побывавшими в могиле, выступала сера. Чуть слышный запах этой серы да слежавшейся хвои на нарах – вместо постели тоже настелены жесткие ветки – разбавляли запах гнили, праха и острой молодой мочи» [11, с. 32]. Характеризуют положение солдат в казарме и выбранные автором лексические единицы: «чертова яма», «подвал», «помещение».

Для героя «Последнего поклона» Вити Потылицына *антидомом* становится новая семья отца. Вовсе неприемлемой кажется мальчику жизнь в детском доме, где ему претят лицемерие и попреки со стороны администрации: «Я хотел объяснить, что щетина вроде бы на спине у меня поднимается против казенного дома, против воспиталок-мамочек…» [4, т. 2, с. 131].

Как мы уже отмечали, для героев Астафьева неразрывная привязанность к родительскому дому не является необходимостью, следовательно, они могут без морального ущерба осваивать новые пространства и выстраивать новые взаимоотношения, проецируя на них усвоенную в детстве модель семьи. В связи с этим в произведениях писателя распространен *мотив превращения антидома в дом* в случае, если людям, находящимся в *антидоме*, удается выстроить гармоничные отношения, повторяющие семейные. В данной ситуации границы *дома-семьи* расширяются: он объединяет людей не только по признаку родства, но становится прежде всего местом со-бытия людей. Как справедливо указывает Ф. Теннис, «важнейшим фактором строения и формирования всякой индивидуальной привычки и нрава, помимо наследуемых от рождения сил и влечений, является воспитующая и направляющая воля общности, в частности, дух семейственности, но также и всякий иной дух, который подобен ему и оказывает подобное воздействие» [12, с. 33].

Так, старшина Шпатор («Прокляты и убиты») пытается установить в казарме подобие семейных отношений, насколько это возможно, заменить солдатам отца. Ашот Васконян именно в казарме приобретает настоящих друзей, признается матери: «Я в этой яме пгозгев, товагищей, способных газделить последнюю кгошку хлеба пгиобгев…» [11, с. 299]. Примечательно, что узы этой дружбы становятся для Васконяна сильнее уз семейного родства, национальной принадлежности и даже возможности спасти собственную жизнь. Ашот твердо решает разделить участь своих товарищей и отправиться на фронт: «Какой я агмянин? Дед мой в агмянском сале годився, отец – в Твеги, ты и я госли и жили уже в Калинине. Да если бы и быв я тгижды агмянином, не воспользовався бы такой возможностью» [11, с. 299].

Дружеские отношения оказываются важнее псевдосемейных для Вити Потылицына, который со своим приятелем Кандыбой обустраивает жилище в помещении бывшей парикмахерской (глава «Без приюта»). С точки зрения Астафьева, даже непригодное для жизни сооружение может стать *домом*, если в нем находится близкий человек: «…я побежал домой, еще издали поймав взглядом пухло расползающийся в серой ночи дым из нашей благодатной обители. “Ндыбакан дома! Красота!”» [4, т. 2, с. 107].

Необходимо отметить, что Астафьев нередко «объединяет» в семью (семейные отношения) априори случайных людей, тем самым предлагая своим героям продемонстрировать духовную зрелость, самим превратить *антидом* в *дом*. Таким образом происходит освоение героями окружающего мира, участие в его преобразовании.

Случайно встретились и оказались в милицейской каптерке Леонид Сошнин и Лера («Печальный детектив»); случайно, в поезде, едущем с войны, познакомилась Марина со своим будущим мужем (рассказ «Пролетный гусь»); случайно в зимовке на Эндэ Аким нашел Элю. Последняя ситуация, смоделированная в «Царь-рыбе», на наш взгляд, наиболее показательна. Первоначально Эля попадает на зимовку вместе с Гогой Герцевым, что чуть было не заканчивается гибелью девушки. Парадоксально: вынужденное совместное пребывание в зимовке с Акимом в большей степени напоминает семью, нежели «приключение» с Герцевым, хотя взаимных романтических отношений между молодыми людьми не возникает. Более того, совместно проведенная «в знак благодарности» ночь разрушает установившуюся гармонию: семья для Акима – это прежде всего духовная, а не физическая близость.

Можно сделать вывод, что в произведениях В. Астафьева не только способность нести ответственность за родных людей, но и умение превратить *антидом* в *дом* становятся доказательством духовной зрелости, состоятельности героя. Герой сам как бы является или не является носителем модели дома.

В прозе В. Козько также присутствует образ *антидома*, противопоставленный *дому-семье*. Однако в произведениях белорусского писателя он, в отличие от прозы В. Астафьева, сопряжен с *мотивом трансформации дома в антидом*. Эта трансформация происходит тогда, когда герои утрачивают связь с корнями: семьи, даже созданные по любви, распадаются, герои теряют ощущение опоры, цельности жизни.

Трагедия разлада постигла семьи Явмена Ярыги, Германна Говара: «І яны разам з жонкай хадзілі ўздоўж стала, як уздоўж магільнага пагорка, кватэрных, сямейных могілак. І разведзенае па катухах дыханне, састыкаваць якое на тую хвіліну было немагчыма, пагоставая скруха і жалоба распіралі ім грудзі. Дыханне і памяць іх былі азлобленымі, непрымірымымі, варожымі» [9, с. 16]. Описывая антидом, Козько, так же как и Астафьев, избегает употребления лексемы «дом», вместо которой используются «інтэрнат», «пакой», «кабінет», «гасцініца».

В романе «Бунт незапатрабаванага праху» пространство *антидома*, в котором пребывает герой в начале повествования, характеризуется деструктурированностью, фрагментарностью, чего нельзя сказать, например, о пространстве антидома-казармы в последнем романе Астафьева «Прокляты и убиты»: жизнь в казарме подчиняется страшным, бесчеловечным, но вполне определенным законам. Это наблюдение говорит о том, что в конце XX века творчество белорусского писателя испытало влияние эстетической системы постмодернизма. В отношении прозы В. Астафьева 90-х годов можно сказать, что его диалог с постмодернистской литературой реализовывался только внешне, «через активность некоторых “идеологических” и стилистических элементов» [13, с. 364].

Может показаться, что и в повести «Цвіце на Палессі груша», и в романе «Бунт незапатрабаванага праху», примеры из которых мы приводили, осуществляется обратная трансформация *антидома* в *дом*, когда герой возвращается в дом родителей, на место жительства предков. Это не совсем так. Восстановление семьи Явмена в повести не происходит, хотя герой ощущает смутную надежду на изменение жизни к лучшему. По Козько, возвращение героя в дом возможно, но это возвращение требует создания семьи по принципиально иной модели (как это случилось у Германна с Надеждой), а не «реанимации» прежних отношений. То есть герой возвращается не в свое сравнительно недалекое прошлое, а в прежний миропорядок, в прошлое своей нации, что, с точки зрения В. Козько, является залогом не только семейного благополучия, но и сохранения национального самосознания.

Еще один важнейший мотив, связанный с образом *дома-семьи* – мотив памяти о доме. Ученые отмечают, что *дом* может быть осмыслен не только как часть пространства или модель взаимоотношений. *Дом* выступает и как центр сознания героя: «Если обратиться к текстам русских авторов XIX – XX веков, можно обнаружить, что среди прочих реминисценций воспоминания о доме очень типичны. Обилие таких примеров позволяет выделить устойчивые характеристики дома в воспоминаниях. Дом в воспоминании – это обычно образ обители, приюта, того сокровенного места, которое удерживает сердце человека» [14, с. 10]. На наш взгляд, целесообразно будет выделить такую модель *дома*, как *внутренний дом*, поскольку «топос не только предметен и “телесен”, но и абстрактен, как абстрактна человеческая память или история человеческих чувств. Можно говорить о том, что топос “Дома” становится топосом “внутренней жизни”» [15, с. 82].

Функции *внутреннего дома* в прозе В. Астафьева и В. Козько различны. Воспоминания о доме помогают героям Астафьева сохранить себя в трудных жизненных ситуациях, но при этом все же остаются воспоминаниями. Герои, если и возвращаются в отчий дом, то только для того, чтобы отдать «последний поклон» и продолжить свой самостоятельный жизненный путь. Некоторым из них, как, например, Акиму, вообще некуда возвращаться: не осталось не только некогда большой семьи, но даже самого поселка, в котором прошло детство героя.

Так как родительский дом в произведениях В. Козько оказывается и отправным, и завершающим этапом жизненного пути героя, воспоминание о нем становится импульсом к возвращению, следовательно, имеет не только идейное, но и сюжетообразующее значение.

Что касается бытования *внутреннего дома* во временной парадигме произведения, то в прозе Астафьева он, как и *дом-семья*, реализуется в модусе прошедшего времени, оставаясь при этом статичным. В прозе Козько *внутренний дом* реализуется в модусах прошедшего, настоящего и будущего времени (тогда как *дом-семья* бытует в прошедшем и отчасти в будущем времени). Кроме того, *внутренний дом* в произведениях белорусского писателя может расширять свои семантические границы и включать не только воспоминания о родительском доме, но и в широком смысле – о прошлом нации, с которым родительский дом прочно ассоциируется. Следовательно, *внутренний дом* не просто статичен, но в указанном случае аккумулирует представление о временной категории вечности.

Отсутствие *дома-семьи*, невозможность его обретения делают героев *бездомными*. В прозе В. Астафьева и В. Козько *бездомность* имеет разную природу, но всегда осмысливается как величайшая трагедия. Уильям Фолкнер писал: «Самая большая трагедия человека – когда он не знает, каково его действительное положение, где он и что происходит с ним» [16, с. 244].

В произведениях В. Астафьева *бездомность* – явление социальное, возникающее не тогда, когда рядом с героем нет родных людей или он далеко от дома, а когда у героя отсутствует модель семьи, благополучных семейных отношений. Писатель отчетливо осознает социальную девиантость бездомности, приводящей к разрушению как отдельной личности, так и общества в целом, поскольку бездомный герой, по Астафьеву, не способен создать полноценную семью и найти свою нишу в социуме.

Так, в романе «Печальный детектив» в ряду других социальных проблем поднимается и проблема *бездомности*, отсутствия нормального семейного воспитания: «…осталась Юлька при родителях, считай что, сиротой, на руках великого педагога – бабки Тутышихи, которая материла внучку за отставание в учебе, гонялась за ней с полотенцем, если та не слушалась ее» [6, с. 42].

Бездомность становится центральной проблемой рассказа «Людочка», где трагическая судьба героини, покончившей с собой, связана с тем, что в жизни девушки не оказалось близкого человека, способного понять и поддержать в трудную минуту. Мать, занятая хлопотами о переезде и мыслями о рождении второго ребенка, оставляет дочь одну со своей бедой.

Мотив *бездомности* является сюжетообразующим и в рассказе «Пролетный гусь». Примечательно, что проблема *бездомности* претерпевает в этом произведении Астафьева определенную трансформацию. В начале рассказа пережившие войну молодые люди хоть и ощущают себя бездомными, но полны оптимизма, веры в будущее, способны преодолеть одиночество и почувствовать себя дома даже в незнакомом провинциальном городке Чуфырино. В конце рассказа *бездомность* и одиночество, приведшие Марину к самоубийству, обусловлены не только отсутствием своего угла, но и смертью мужа и сына, потерей смысла жизни. Однако Астафьев дает понять, что *бездомность* его героев не является только их личной бедой. Это проблема всего послевоенного общества, когда поколение молодых ребят, вернувшихся с войны, не имеющих ни жилья, ни образования, оказалось брошенным на произвол судьбы, а точнее, на произвол таких чиновников, как чета Мукомоловых.

Следовательно, в прозе Астафьева *бездомность* раскрывается не только как проблема отдельно взятого человека (герой вообще может не осознавать истинных механизмов того, что с ним происходит), но, прежде всего, как причина и следствие негативных социальных явлений, то есть писатель идет от частного к общему. С проблемой *бездомности* герой не может справиться самостоятельно: для ее преодоления необходимо менять привычное социальное устройство, сознание всего общества.

Козько, напротив, приходит от общего к частному. Причиной *бездомности* его героев зачастую выступают социальные катастрофы: война («Хроніка дзетдомаўскага саду», «Суд у Слабадзе»), чернобыльская авария («Бунт незапатрабаванага праху», «Выратуй і памілуй нас, чорны бусел»), бездумная мелиорация Полесья («Неруш»). Однако вне зависимости от причины *бездомность* осмысливается белорусским автором как проблема глубоко экзистенциальная, связанная в первую очередь с отсутствием у героя *внутреннего дома*.

В жизни Кольки Летечки функцию утраченной семьи выполняет детский дом и выполняет, надо сказать, довольно успешно: у мальчика складываются теплые отношения и с воспитанниками, и с администрацией. Но на протяжении всей повести герой страдает от *бездомности* (отсутствия памяти о доме) и за возможность обрести *внутренний дом* платит жизнью.

В романе «Хроніка дзетдомаўскага саду» герой-повествователь испытывает муки совести не столько от того, что помещение бывшего детского дома оказывается разрушенным, сколько от того, что эта разруха становится символом утраченной памяти, утраченного *внутреннего дома*. Мотив *бездомности* выступает логическим продолжением мотива *трансформации дома в антидом* в романе «Бунт незапатрабаванага праху». Герой не может выстроить семейные отношения, сохранить семью до тех пор, пока не обретает *внутренний дом* (до этого момента он ощущает себя и по сути является бездомным).

В отличие от произведений В. Астафьева, где отдельная личность оказывается не в состоянии преодолеть *бездомность* как социальное явление, герои Козько с экзистенциальной проблемой *бездомности* вполне могут справиться. Переживание собственной *бездомности* становится для них отправной точкой, откуда начинается движение к поискам выхода из сложившейся ситуации, к поискам *внутреннего дома*. Семантику *дома* в прозе В. Астафьева и В. Козько приобретает *мир нации*, народа. По мнению Ф. Тенниса, дом представляется первичной основой и моделью любой формы целого: «Каждое более обширное целое подобно разделившемуся дому, и даже если последний был менее совершенен, то в нем все же должны мыслиться наличествующие зачатки всех тех органов и функций, которыми обладает совершенный.

Изучая дом, мы изучаем общность, как, изучая органическую клетку, мы изучаем саму жизнь» [12, с. 43]. Герои произведений В. Астафьева и В. Козько ощущают себя не только частью семьи, но и частью нации. В прозе Астафьева это самосознание крепнет по мере взросления героя, расширения его кругозора, освоения им новых территорий. Поскольку практически все герои Астафьева наделены автобиографическими чертами, можно говорить о присутствии некого обобщенного автобиографического образа героя в прозе писателя.

Этапы становления этого героя, а следовательно и осознания себя в мире, прослеживаются в разных произведениях. Так, Витя Потылицын («Последний поклон») попадает из мира семьи в мир рода (село Овсянка): «Жители нашего села состояли в основном из четырех колен родственников, и четыре

фамилии главенствовали в нем. Самая распространенная фамилия – Фокины, затем – Шахматовы, затем наша – Потылицыны, а затем уже не густая, но отчаянная фамилия – Верехтины» [4, т. 1, с. 181]. Взрослея, герой постепенно осознает свою принадлежность к суровому миру Сибири и еще шире – к большому миру человечества, чувствует личную ответственность за все, что происходит в мире, за судьбу молодого поколения. Этой позиции придерживаются не только прошедший войну Витя, но и Леонид Сошнин, и старшина Шпатор, ее выражает в своих размышлениях Сергей Митрофанович, герой рассказа «Ясным ли днем»: «Вот если б все люди – от поселка, где делают фанеру, и до тех мест, где сотворяют атомные бомбы, – всех детей на земле считали родными, да говорили бы с ними честно и прямо, не куражась, тогда и молодые не выламывались бы, глядишь, чтили бы как надо старших за правду и честность, а не за одни только раны, страдания и прокорм» [17, с. 272].

В прозе В. Козько осознание героем себя как части нации, родины мыслится как нечто априорное, как изначальная и необходимая данность. Яркий пример тому – Колька Летечка, которому не суждено было стать взрослым, познать многообразие жизни. Тем не менее мальчик отчетливо понимает, что детский дом, в котором он находится, – часть большого мира, мира нации, родины, Беларуси: «Ён уваходзіў у свой родны дом, яго ўводзілі ў гэты дом. Там яго чакалі Лена, Козел з Дзыбатым, там яму было прыгатавана снеданне. Ранкам, праўда, ён збег з гэтага дома, трохі пабадзяжыў, але цяпер набліжаўся да яго абноўлены, працяты... радасцю і шчасцем, якія аж трымцяць у нас, калі мы пасля доўгай дарогі зноў сустракаемся са сваёй бацькаўшчынай» [18, с. 82].

Потеря этого изначального знания или попытка избавиться от него рассматривается как преступление человека против самого себя и заканчивается или абсолютной деградацией личности, или возвращением к истокам, ибо, как утверждает героиня рассказа «Нахаў», убежать от себя невозможно: «Ты ж карэньчык, ёсць у цябе памяць і хата бацькоў тваіх. Іскрынка ў табе жывая блішчыць, што ніякай чорнай хмарай не патушыць, ніякім чорным атамам не страціць. Кажу тое, што сама добра ведаю, праз што сама прайшла, пераступіць хацела, ды душа не дазволіла» [18, с. 449].

Так как *мир нации* основан, с точки зрения и русского, и белорусского писателей, в первую очередь на традиционном укладе крестьянской жизни, в их прозе можно выделить два противопоставленных друг другу хронотопа – деревенский и городской. По мнению И.В. Новожеевой, «деревенскому хронотопу соответствует определенный тип персонажа – с устойчивой системой нравственных ценностей, особым душевным равновесием и внутренней гармонией... Человек в деревенском хронотопе всегда изображается со знаком плюс» [19, с. 115 – 117].

Деревенский хронотоп, противопоставленный городскому, присутствует в произведениях Астафьева, относимых к «вологодскому периоду» его жизни: в «Последнем поклоне», «Царь-рыбе», «Оде русскому огороду». Для данного периода характерно самоотождествление писателя с «деревенской прозой». С точки зрения П.А. Гончарова, в это время Астафьев «благодаря оригинальным и своеобразным литературным произведениям не только не теряет свое лицо, но становится одним из наиболее ярких “деревенщиков”» [13, с. 15].

Встает вопрос об идентичности деревенского хронотопа хронотопу Сибири, нередко выделяемому в прозе В. Астафьева. На наш взгляд, хронотоп Сибири категория более универсальная, присутствующая во всех произведениях писателя, а не только в творчестве второго периода, и включающая в себя как деревенский, так и антонимичный ему городской хронотоп.

В прозе В. Козько деревенский хронотоп изоморфен хронотопу Полесья и резко противопоставлен при этом хронотопу города. Логично предположить, что белорусский прозаик, создавая свои этапные произведения в конце 70 – 80-х годов XX века, мог вступить в определенный диалог с «деревенской прозой», тем более что в его творчестве присутствует характерное для «деревенской прозы» «осознание опасности, которой может обернуться для человека разрыв с деревней, со своим родом» [19, с. 117].

Для деревенского хронотопа в творчестве обоих авторов характерно идиллическое описание народной жизни, подчиненной законам природы, многовековым традициям крестьянского «лада».

Принципиально иным видится хронотоп города. Личность, потерявшая связь с корнями, оказываясь в городе, деградирует (Явмен Ярыга, Матвей Ровда); герои, являющиеся «порождением» городского хронотопа (Гога Герцев, Эля), очевидно проигрывают в сравнении с деревенскими жителями. Технократическая цивилизация грозит разрушением не только окружающей природе, патриархальному укладу жизни, но и духовным основам, превращая человека из созидателя в потребителя.

Что касается такого социального образования, как *государство*, то оно может отождествляться с *миром нации* (в том случае, если герой осознает взаимосвязь своей судьбы с историческим путем государства) или же быть противопоставленным ему.

Астафьев напрямую обращается к проблеме взаимоотношений человека и государства только в последний период своего творчества. Тема эта для писателя болезненна. Так, в романе «Прокляты и уби-

ты» налицо противопоставление народа и государства, осуществляющего геноцид собственного народа, аккумулирующего признаки *антидома*: «…давно гонят, бросают и бросают в бушующую ненасытную утробу войны этот самый "человеческий материал", чтобы хоть день, хоть два продержаться в Сталинграде, провисеть на клочке волжского берега, а в Воронеже – не отдать больницу, стоящую на отшибе, потому как, пока есть они – клочок берега и больница, можно докладывать Верховному Главнокомандующему и сообщать народу, что города эти не сданы, а Главнокомандующий будет делать вид, что верит этому… Под Великими Луками вон начали наступление в честь дня рождения великого вождя и полководца. По фронтовым сусекам заметенные, с жиденькой огневой поддержкой и оснащенностью, выполняя патриотический священный долг, доказывая нежную любовь к вождю и учителю, войска залезли в болота и не знают теперь, как из них выбраться, несут огромные потери» [11, с. 318 – 319].

Надо сказать, что данная оппозиция вообще не характерна для произведений о войне, где народ-герой чаще всего изображается мужественным защитником Отечества. Герои Астафьева на войне пытаются выжить, приходят через страдания к Богу, в тяжелые минуты вспоминают о семьях – и в этом заключаются суровая правда и новаторство прозаика.

Козько убежден, что ответственность за всё, происходящее в государстве, лежит на плечах народа, поскольку «дзяржава – гэта ж яны самі і ёсць» [20, с. 23]. Однако народ не готов принять на себя эту ответственность, что неизбежно влечет за собой такое положение дел, при котором «няма ў іх дзяржавы. І няма іх для дзяржавы» [20, с. 26], понятия народ и государство утрачивают точки соприкосновения.

В прозе обоих писателей нередко звучит *мотив разорения дома, утраты дома*. Как отмечает В.В. Иванцов, «причина разрушения идеального "Дома"... может представать либо в глобальном плане – как некие укорененные в мироустройстве силы зла и разрушения (война, техногенные катастрофы), либо в своих микропроявлениях – как хаос в отдельном человеке, в его духовной структуре. Последний вариант проявления хаоса, в частности, приводит человека к обесцениванию "Дома"» [21, с. 156 – 157].

В произведениях В. Астафьева представлен первый из предложенных вариантов: причиной *разорения дома* становятся социальные катастрофы. Как величайшая трагедия деревни осмысливается коллективизация: «Когда выселили из дома деда Павла с семьей – не знаю, но как выселяли других, точнее выгоняли семьи на улицу из собственных домов – помню я, помнят все старые люди» [4, т. 1, с. 158]. Еще одним тяжелейшим испытанием, которое постигло дом-родину, стала война «…семьи рассыпались, хозяйства захирели, заботы сузились до самой обыденной – чем пропитаться? Как выстоять войну? Сберечь детей?» [4, т. 2, с. 329].

В творчестве В. Козько профиль социальных причин, приводящих к *разорению дома*, выглядит иначе. *Разорению дома* способствует отрыв деревенских жителей от родной земли, массовый отъезд молодежи в город, бездумное увлечение технократическими идеями, результатом которых являются экологические трагедии. С точки зрения Козько, подобное поведение влечет за собой не только разрушение *дома*, но и духовную деградацию самого человека. Следовательно, социальная трагедия переживается как экзистенциальная, что весьма характерно для творчества В. Козько в целом.

Выводы. *Топос дома* в своем социальном звучании воплощает способ существования человека в мире. Наибольшую значимость в прозе В. Астафьева и В. Козько приобретает *дом-семья*, поскольку «дом, – как пишет Г. Бидерманн, – становится символом самого человека, нашедшего свое прочное место» [22, с. 73].

Формы самоопределения личности напрямую зависят от ее жизненного пространства. Пространство, замечает О. Филимонова, «выступает как один из главных факторов человеческого существования, организующий все основополагающие аспекты бытия» [23, с. 3] и позволяет «совместить бытие мира и личное бытие» [23, с. 7].

Духовные, культурные, эстетические ценности человека формируются в пространстве *дома-семьи* на основе домашних устоев, представлений о мире, отношений с родными людьми. Отсутствие модели гармоничных семейных отношений порождает категорию *бездомности*, которая характеризует не только положение человека в мире, но и его нравственное состояние.

Если говорить о реализации *топоса дома* во временной парадигме, следует вспомнить представителя второго поколения французской историографической школы «Анналов» Фернана Броделя, который в рамках своей теории «социального времени разных скоростей» выделял несколько типов времени: время, соразмерное с ритмом повседневной жизни индивида; время, характерное для цикла экономической жизни; время «большой продолжительности» – история человечества вместе с окружающей его средой. Значит, логично предположить, что в разных моделях *дома* время движется по своим законам в каждом отдельном случае. Однако *дом* – это не только место (в узком или широком смысле) пребывания человека, которое трансформируется с течением времени. Это еще и представления о *доме*, понятие *дома*, образ *дома*, существующие как в сознании отдельного человека, так и в национальном сознании и являющиеся константными. Следовательно, в художественном времени произведения *топос дома* как воплощение

авторской модели мира, авторского сознания будет включать в себя одновременно и прошлое, и настоящее, и будущее, т.е. не зависеть от реального и перцептуального времени. Об этом А.А. Косицын пишет так: «Пространство, существующее обычно во времени, не подчинено этому времени, состоит с ним в дисгармонии и существует вопреки этому времени, как бы само по себе, вне этого времени. Можно сказать, что происходит детемпорализация пространства: пространство освобождается от временной зависимости» [24, с. 232].

Статичность *дома* в прозе В. Астафьева и В. Козько может быть обусловлена еще и тем, что с течением истории «меняется роль дома для человека с защитной на скрытую духовную. Поэтому образ дома участвует в формировании не столько внешнего (событийного), сколько внутреннего (смыслового, скрытого) сюжета (подтекста)» [25, с. 95 – 96].

В прозе В. Астафьева и В. Козько *дом* мыслится как основа формирования, становления личности, духовно-нравственные устои народа, символ духовного единения, человеческого общежития.

ЛИТЕРАТУРА

1. Петрова, Т.Ю. Социальное пространство как процесс: автореф. дис. … канд. социолог. наук / Т.Ю. Петрова. – Нижний Новгород, 2003. – 22 с.
2. Журина, О.В. Модель дома в творчестве позднего Л.Н. Толстого / О.В. Журина // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – 318 с.
3. Топоров, А.Л. Дом / А.Л. Топоров // Славянская мифология. – М., 1995. – 316 с.
4. Астафьев, В.П. Последний поклон: в 2 т. / В.П. Астафьев. – М.: «Молодая гвардия», 1989.
5. Астафьев, В.П. Царь-рыба: Повествование в рассказах / В.П. Астафьев. – М.: «Эксмо», 2007. – 512 с.
6. Астафьев, В.П. Печальный детектив / В.П. Астафьев // Роман-газета. – 1987. – № 5. – С. 1 – 47.
7. Астафьев, В.П. Пролетный гусь: Рассказы, затеси, воспоминания / В.П. Астафьев. – 2-е изд., доп. – Иркутск, 2002. – 412 с.
8. Казько, В.А. Неруш: Раман. Суд у Слабадзе: Аповесць / В.А. Казько. – Мінск: Юнацтва, 1991. – 589 с.
9. Казько, В.А. Бунт незапатрабаванага праху: Раман / В.А. Казько. – Мінск: І.П. Логвінаў, 2009. – 340 с. – (Кнігарня «Наша Ніва»).
10. Асмолова, Е.В. Концепция домашнего пространства в романах Г.И. Газданова / Е.В. Асмолова // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 2. – 312 с.
11. Астафьев, В.П. Прокляты и убиты: Роман / В.П. Астафьев. – М.: Эксмо, 2007. – 832 с. – (Библиотека всемирной литературы).
12. Теннис, Ф. Общности и общества. Основные понятия чистой социологии / Ф. Теннис. – СПб.: Владимир Даль, 2002. – 452 с.
13. Гончаров, П.А. Творчество В.П. Астафьева в контексте русской прозы второй половины XX века: дис. … д-ра филол. наук: 10.01.01 / П.А. Гончаров. – Тамбов, 2004. – 194 с.
14. Карпенко, Л.Б. Дом как воспоминание / Л.Б. Карпенко // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – 318 с.
15. Аржанов, А.П. Дом-домашнее как топос внутренней жизни в «Письмах русского путешественника» Н.М. Карамзина / А.П. Аржанов // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – 318 с.
16. Фолкнер, У. Статьи и интервью / У. Фолкнер. – М., 1985. – 244 с.
17. Астафьев, В.П. Собрание сочинений: в 4 т. / В.П. Астафьев. – М., 1980. – Т. 2: Кража. Рассказы. – 453 с.
18. Казько, В.А. Судны дзень / В.А. Казько. – Мінск: Маст. літ., 1998. – 480 с.

19. Новожеева, И.В. Архетип деревенского дома в произведениях Ф. Абрамова, В. Белова, В. Распутина / И.В. Новожеева // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 2. – 312 с.
20. Казько, В.А. Выратуй і памілуй нас, чорны бусел: Аповесці, апавяданні, эсэ. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 319 с.
21. Иванцов, В.В. Пространственно-временная организация художественного мира Маканина: дис. … канд. филол. наук: 10.01.01 / В.В. Иванцов. – СПб., 2007. – 112 с.
22. Бидерманн, Г. Дом / Г. Бидерманн // Энциклопедия символов. – М., 1996. – 503 с.
23. Филимонова, О.Ф. Жизненное пространство человека / О.Ф. Филимонова. – Саратов, 1998. – 362 с.
24. Косоцин, А.А. «Петербургский текст» в творчестве Евгения Гребенки / А.А. Косицин // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – 318 с.
25. Виноградова, О.А. Семантика образа дома в Петербургском тексте русской литературы / О.А. Виноградова // Коды русской классики: «дом», «домашнее» как смысл, ценность и код: материалы III междунар. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня основания и 40-летию со дня возрождения первого классического Самарского государственного университета в Самарском крае, Самара, 19 – 20 нояб. 2009 г.: в 2 ч. / отв. ред. Г.Ю. Карпенко. – Самара: Изд-во «СНЦ РАН», 2010. – Ч. 1. – 318 с.

Поступила 30.11.2010

SOCIAL ASPECTS OF THE TOPOS OF HOME IN PROSE BY V. ASTAFIEV AND V. KOSKO

E. KRIKLIVETS

Social aspects of the topos of home in V. Astafiev and V. Kosko works are studied. The key modes of living in the prose by the writers are home (family), nationdom, and antihome. A home is a place where the personality matures, masters their indispensable mental and ethical standards. On the contrary, antihome is a place where people meet accidentally, with no emotional bonds. The home pattern includes a motive of memory about home (inner home). Absence of home, and the impossibility to find it makes characters homeless. In works by Astafiev being homeless is a social phenomenon, in prose by Kosko it is existential, connected to the character's lack of inner home, due to its loss or destruction. For Astafiev the reasons for the destruction of home are social catastrophes (collectivization, war). For Kosko the destruction of home is a consequence of the country inhabitants' having severed from the native land, and of the passion for technocratic ideas. Therefore, in prose by Astafiev and Kosko, home is thought as a basis for self-determination of a personality, a symbol of the moral foundations of the people, and their spiritual unity.